



ХАРРИЕТ УОКЕР

**НОВАЯ
ДЕВУШКА**



INSPIRIA

Москва

2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
У62

Harriet Walker
THE NEW GIRL

© 2020 by Harriet Walker This translation is published
by arrangement with Ballantine Books, an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC

Художественное оформление *Е. Елькиной*

В оформлении переплета и суперобложки
использованы фотографии:

© Luba V Nel, NarisaFotoSS, Diana Taliun / Shutterstock.com;

Пиктограммы на форзаце: © Palsur,
Buternkov Aleksei / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Уокер, Харриет.

У62 Новая девушка / Харриет Уокер ; [перевод с английского
А. С. Петухова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с. — (Ток.
Блестящий триллер).

ISBN 978-5-04-120221-7

Все завидуют Марго Джонс. Блестящая карьера в гламурном журнале, любящий муж, прекрасный дом, утонченный гардероб, а теперь еще и долгожданный первенец — кто не мечтает оказаться на ее месте? Поэтому для журналистки Мэгги Бичер декретная ставка на месте Марго — шанс изменить свою жизнь.

Кажется, что она не претендует на то, чтобы сравняться с великолепной Марго Джонс, и понимает, что она не более чем временная замена. Но действительно ли мотивы Мэгги так невинны? И что произойдет, когда Марго захочет вернуть себе прежнюю жизнь? Мэгги Бичер ничего не отдает просто так...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Петухов А.С., перевод на русский
язык, 2021

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-120221-7

*Посвящаю родителям,
которые забыли о себе,
чтобы я могла достичь того,
чего достигла.*

Она как будто упала прямо с небес.

И сейчас лежала перед ними, а возле ее головы словно расцветал чернильный цветок.

Звуки шагов затихали, люди замедляли свой ход и медленно собирались вокруг. Наступила почти полная тишина, лишь изредка прерываемая то покашливанием, то тяжелыми вздохами. Но и они, как перед началом спектакля, постепенно затихли. Разговоры прекратились, словно по мановению волшебной палочки.

А в нескольких шагах, там, куда не распространялись шок и ужас, охватившие стоявших здесь, мир продолжал жить своей обычной жизнью. Капли дождя барабанили по стеклам, какая-то птица пела, подражая звукам мобильного телефона. Где-то вдали хлопнула дверь — должно быть, ее закрыло порывом ветра, потому что вся человеческая деятельность на какое-то время замерла. Замерла из-за нее.

Над телом стояли две молодые женщины. Обе были живым воплощением поразившего всех ужаса: руки зажимают рот, глаза, в которых стоит немой вопрос, шарят по лицам зевая, избегая смотреть только в одном направлении.

Женщины упорно не смотрят друг на друга.

И не задают друг другу никаких вопросов.

И чем дальше темная жидкость растекается по линолеуму фисташкового цвета, тем больше она бледнеет и теряет свой неестественный вид, тем больше становится похожа на то, чем является на самом деле, — на кровь.

Часть I

1

Марго Джонс

Я впервые почувствовала, как в моем чреве зашевелился ребенок, как раз в тот самый момент, когда у Винни родился сын. Родился, чтобы умереть часом позже.

Только вышла из душа и как раз закуталась в полотенце, и вдруг где-то глубоко внутри ощутила слабое движение. Даже не движение, а легкий намек на него, как будто кто-то шаркнул по неровности дороги. Одиночный всплеск, едва заметный толчок, легкое подобие шевеления в матке — признак зарождающейся жизни.

Чуть не задохнувшись, я почувствовала легкий приступ тошноты при мысли о том, что во мне поселилось нечто. Будь проклята эта научная фантастика. Ведь в первую очередь этот намек на движение свидетельствовал о чуде возникновения новой жизни, о том, что мне улыбнулся Лик Божий, который одинаково улыбается и нищим, и высокородным. Хотя в наше время первое, что в этот момент приходит в голову любой беременной женщине, — Чужой, вырывающийся из мужской груди в кровавом фонтане.

Тогда я, кажется, улыбнулась, и мурашки на руках постепенно исчезли. Позже я еще вспомню, как в самый

первый момент вздрогнула от отвращения, и почувствую стыд.

В те же самые минуты только что родившегося малыша Винни стремительно везли на крохотной пластиковой кровати по бесконечным коридорам больницы — его фиолетовые конечности все еще были испачканы кровью матери. Экран моего телефона вспыхнул, и я увидела послание с массой медицинских терминов, которое пришло от моей самой старинной подруги, — сердце новорожденного сначала почти остановилось, а потом судорожно забилося вновь. Мой невразумительный ответ был полон ужаса, смешанного с облегчением, а потом случилось ЭТО.

«Он умер», — появилась на экране короткая фраза.

Я тут же набрала номер Винни, но мне никто не ответил. Тогда мне не пришло в голову, что я могу больше никогда не услышать голоса лучшей подруги, но пустота, сменившая в моих ощущениях ту бодрость, которую я испытывала всего несколько мгновений назад, была предвестницей всего того, что ждало меня в будущем. Она означала, что впервые за последние двадцать лет у нас с Винни появилась проблема, которую нам придется решать поодиночке. После того как со стола убирают остатки поминальных блюд и уходят последние соболезнующие, человек остается со своим горем один на один. Смерть ребенка можно оплакивать только в полном одиночестве.

Разъединившись, я послала ей голосовое сообщение, хотя сейчас уже не вспомню точно, что тогда наговорила. А потом было письменное сообщение: «Мне страшно жаль. Люблю тебя. Если понадобится, я всегда рядом».

Нужно возвращаться к работе.

Сегодня я должна была появиться в офисе после це-

лого месяца, проведенного на различных показах. Когда я только начинала в качестве ассистентки, то есть девочки на побегушках, ездила только на показы мод в Лондоне — с билетом, дающим право ютиться в самых дальних рядах. Приходилось вытягивать шею, чтобы увидеть не только головы манекенщиц, но и располагавшиеся ниже сверхъестественные творения гуру мировой моды.

В те дни я запоминала коллекции по музыке, их сопровождавшей, и по прическам моделей, а не по самим одеждам — те я рассматривала позже, в записи. Взбираясь по карьерной лестнице, я поняла, почему так много фешен-редакторов повернуто на обуви — ее видишь только тогда, когда занимаешь на показах место в первом ряду.

В этом сезоне я побывала на показах в Нью-Йорке и Париже, а также в Милане, что в последние десять лет регулярно делала дважды в год. Правда, на этот раз захватила крохотного зародыша, который был со мной и на жестких скамейках, и в роскошных драпированных креслах и которого/которую (мы так и не выяснили пол — Ник был против) я тайно проносила через ограждения из бархатных канатов и мимо затянутых во все черное швейцаров на все те приемы и открытия роскошных бутиков, куда нас приглашали вдвоем с мужем. Там мы чокались бокалами с шампанским, но не пили из них.

Я улыбалась каждый раз, когда вспоминала, как утомительно было таскаться на мероприятия с довеском, чьи потребности заставляли хищно выслеживать официантов, словно высеченных из цельных кусков мрамора, и подчистую сметать изящные закуски с серебряных блюд у них в руках.

Но сейчас я уже в Лондоне, и настало время возвращаться в офис. Сегодня должны выбрать человека, кото-

рый заменит меня на период декретного отпуска. Человека, готового взять на себя ту работу, которой я добивалась десять очень непростых лет. И до сего момента эта перспектива казалась мне ужасной. Но сейчас я могла думать только о жизни крохотного существа, возникшей и угасшей в нескольких милях от меня.

Вместе с Винни мы провели последний уик-энд, болтая и веселясь от души. Планируя, что будем делать в течение нескольких следующих месяцев, когда расстанемся с офисами и сможем, свободные как ветер, гулять днем где нам вздумается, наслаждаясь компанией друг друга и наших крохотных спутников. В нескольких шагах от дома, где жили мы с Ником, открылась новая кофейня с голыми кирпичными стенами и висящими на ничем не прикрытой арматуре лампами — автобус, шедший от дома Винни, останавливался прямо перед ней.

Винни знала, что у нее будет мальчик, — прямо с тех пор, как это стало очевидно на экране УЗИ. Свое нетерпение она объяснила желанием заранее спланировать жизнь младенца и придумать ему имя, на что я в шутку сказала, что она помешана на желании контролировать все и вся. Так в возрасте 20 недель малыш получил имя Джек.

Пока я была у Винни, пришлось зайти в туалет: кажется, я теперь большую часть времени провожу на толчке — каждый час выжимаю по несколько капель, а мочевой пузырь остается полным. Там я наслаждалась видом бесчисленных белых детских трико, вывешенных для просушки. А еще в доме были: жесткая деревянная кровать, застеленная белоснежными простынями, пеленальный столик, заваленный подгузниками и пеленками из хлопка, и целый набор кремов и присыпок, о которых я в жизни не слыхала, хотя моя прямая обязанность —

.....

писать о различных непонятных и предназначенных только для избранных косметических средствах.

В Винни всегда было больше материнского, чем во мне, — она спокойнее, терпеливее, и инстинкты развиты гораздо сильнее. А еще она добрее. Так что материнство для нее — естественное состояние, и я была благодарна за то, что наши дети должны были родиться с интервалом в пять месяцев. Это означало, что у меня есть целых пять месяцев, чтобы научиться искусству взращивания детей, подобно тому как в школе я списывала у нее, лучшей подруги, рефераты.

Когда я села на автобус до офиса, сердце сжималось от мыслей обо всей этой суете, покупках и подготовке к тому моменту, когда Джек должен был наконец появиться дома. На глаза наворачивались слезы, когда я думала о том, как теперь Винни и ее муж Чарльз вернутся в дом, полный предвкушения настолько, что в предшествующий уик-энд его стены чуть ли не вибрировали. Перед глазами у меня стояла их терраса из красного кирпича, оседающая под грузом скорби, когда они придут вдвоем, а не втроем.

Они выглядели такими готовыми к тому, чтобы стать родителями — казалось, все внутри них звенит от этой готовности и от нервного напряжения вот-вот посыплются искры. Пока Винни занималась приготовлениями к появлению малыша, Чарльз подчищал концы на работе. Он планировал провести с ними первые шесть недель жизни Джека.

— И в результате мы поубиваем друг друга, — смеялась Винни в прошедший уик-энд. — Невозможно торчать нос к носу так долго.

Хотя я сомневалась, что за все это время они хоть раз повысят голос. В прошлом такого никогда не случалось.

Они выглядели абсолютно гармонично, пока Чарльз путешествовал на кухню и обратно, подавая чай и принося различные детские принадлежности, которые Винни хотела мне продемонстрировать. При этом успевал рассказать, сколько всего пришлось приобрести, готовясь к рождению сына. В энтузиазме он не уступал Винни, и мысли о том, каким отцом он станет, распирали его так же, как Винни распирал младенца.

Помимо сходства со всеми заботливыми мужьями, в нем наблюдалось сходство с одной из тех собак, что отказываются покидать беременную хозяйку. Его желание чем-то помочь Винни было неиссякаемым — он был предан ей до бесконечности. На «Ютьюбе» научился делать массаж ног. Когда наступило время прощаться, стоял рядом с Винни на ступеньках крыльца, обнял ее за плечи, как будто хотел от чего-то защитить, пока они махали мне вслед.

В следующий раз он должен был распахнуть передо мной дверь и представить новорожденного сына. Теперь этого никогда не случится.

Обычно по пути на работу я читаю новости в телефоне, но сегодня не могла понять смысла слов перед глазами. И пока двухэтажный автобус пробирался по укутанным смогом улицам юго-западного Лондона, я все пыталась как-то связать долгожданного Джека со всеми его будущими возможностями с этим мертвым малышом, над которым оставалось только преклонить в рыданиях колени, вместо того чтобы ласкать и ворковать над ним. Связать с неподвижным телом, всего несколько дней назад ерзавшим под туго натянутой кожей живота Винни.

У меня было ощущение, что утром я проснулась в параллельной вселенной, привела себя в порядок и села на сороковой маршрут, приехав черт знает куда. А в на-

шей родной вселенной Джек, конечно, вручен счастливой матери и благополучно засопел в теплых и ласковых руках моей лучшей подруги и верного товарища, столько раз обнимавших меня...

Но мой собственный ребенок вдруг пошевелился в этой измененной реальности. Он подтвердил свое существование, свое наличие, свои права на меня и на окружающий мир. И это было самое земное и острое ощущение, которое я когда-либо испытывала.

* * *

Когда я появилась в офисе, кандидаты уже расположились вдоль одной из стен. Склонив аккуратно причесанные головы, они уставились в экраны телефонов, сидя под пластиковым логотипом-переростком нашего журнала: «От»¹. Одна из любимых шуток Мофф — полные надежд люди помещались под довольно прямолинейным указанием на то, чего они хотят достичь.

Я достаточно хорошо знала своего босса, чтобы осознать, что она срежиссировала практически всю свою жизнь. Будучи в первую очередь охотницей за сенсациями, Мофф видела их практически во всем: фотографии, дизайн страниц и заголовки — только это занимало каждый ее день. Две женщины, соперничающие друг с другом за редкую возможность поработать в одном из самых успешных в стране журналов мод — пусть даже то короткое время, пока я буду в декретном отпуске, — коллизия, коей главный редактор этого журнала, Эмили Моффатт,

¹ Первая часть выражения «от-кутю» (фр. «haute couture»), «высокая мода»; само по себе может означать «вершина», «сливки», «элита», «лучшее из лучшего» и пр.